

Остров призраков

Автор:

Елена Усачева

Остров призраков

Елена Александровна Усачева

Когда ей стало страшно? Они приехали на остров – одни, без родителей, – и все ведь было нормально, даже отлично. Поставили палатки, отправились исследовать местность. Может быть, не надо было ходить на кладбище? Или слушать все эти истории про призраков из тумана, про Белую Женщину, заманивающую в болото? Или, наоборот, стоило их выслушать – и уехать? Но они остались, и теперь Светик не знает, что делать. Остров играет с ними. И не хочет отпускать. Вернее, нет, не остров, а та, кто все еще живет здесь... несмотря на то что уже умерла.

Елена Усачева

Остров призраков

© Усачева Е., 2017

© Оформление, ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава первая

Беспокойная ночь

Заскрипело, завыло, заохало.

Первым из палатки выскочил Костян. С воплем:

– Черти! Черти! Черти идут! А!!! Мама!

Что-то врезалось в палатку, зашептало:

– Уж, уж, уж, уж...

Светик резко села.

– Мама! Нет!

Костян визжал.

– Аня! Вставай!

Светик толкнула спящую рядом Анку. Та блаженно засопела, заворочалась, подсунула под щеку скомканный наголовник спальника.

– УУУУ!!! Мамочка!!!!

– Вставай! – Светик выдернула из-под Анки подушку. – Костяна режут.

И сама полезла наружу.

«Ух, ух», – волновались над головой кроны сосен.

– Уходи!

Нечто темное налетело на Светика, и она на мгновение забыла, как дышать. Тень прошла сквозь нее, оставив в груди холод. Светик поискала шлепанцы, но в панике никак не могла их нащупать в сваленных в тамбуре вещах. Закашлялась Анка, словно на нее кто-то наступил.

- А? Чего? - спросонья забормотала она.

- Мама! - перешел на ультразвук Костян.

Светик головой протаранила входной тент, заставляя «молнию» самостоятельно поехать наверх.

Северная серая ночь обступила ее, подхватила под локти, заставляя встать.

От деревьев к воде тянулся плотный туман. Он клубился, он наступал фигурами, он обхватывал со всех сторон. Песок под ногами как будто шевелился.

- А?

Туман сгустился, почернел и выплюнул из себя человека.

- Что случилось?

У Светика душа совершила скачок из груди в пятки и оттуда уже рванула прочь, в непроглядную тьму.

- Черт! - взвыла Светик, поджимая одну ногу. - Напугал.

Это был Глеб. Долговязый и какой-то невообразимо лохматый. Брат вышел из тумана - сутулый, с руками в карманах. Зевнул.

- Мамочка! - неумоимо верещал Костян.

- Костя? - Анка выскочила из палатки, на ходу надевая на нос очки, не попадая, поэтому все тыча и тыча дужкой в глаз. - Что случилось?

«Ах!» - упал вскрик.

Девчонки присели. И только Глеб вопросительно посмотрел на свои ноги - он успел надеть один кед и один шлепанец.

- Уууу! – завыли уже издалека.

Анка побежала на звук. Светик оглянулась на притихший лес.

- Тебе не кажется, что здесь кто-то есть?

Глеб резко повернул голову, потерял равновесие, сделал еще полный оборот, чтобы устоять.

- Есть, наверное, – зевнул он.

Туман за клубился, заволновался, стал уплотняться, готовясь выпустить из себя нового героя.

- Иыыы! – глухо отдалось вдалеке.

Светик расставила руки, отстраняла от себя неведомое. Песок под ногами опять шевельнулся.

- Ой! – прошептала Светик.

- Да ничего не было, – опять зевнул Глеб. – Спали, спали, этот крендель все городил себе домики из спальника, а потом как стал орать, что в палатке кто-то есть. Ну и побежал.

- Смотри!

Это уже не могло показаться. Сквозь туман четко проступала фигура в длинном белом платье. Склоненная голова с длинными распущенными волосами.

- Это она...

«Бом!» – глухо отдалось далеко-далеко.

Женщина стала поднимать руку.

- Мама! - неожиданно совсем рядом заорал Костян, и Светик побежала.

Песок был вязкий, выворачивал ноги, цеплялся за лодыжки. Глеб недолго держался рядом, а потом припустил и тут же растворился на фоне воды.

- Ай!

Светик с разбегу врезалась в кого-то, бегущего навстречу. Острая кромка очков больно поцарапала щеку. Светик приземлилась на песок, в ладони загорелась боль.

- Где Костя? - метнулась к ней Анка. Светик схватила ее за подол футболки, заставляя присесть:

- Там белая женщина! Надо бежать!

Анка глянула на клубящийся туман. Это был всего лишь туман. И никто из него не шел.

«Бом!» - то ли на самом деле вдалеке грянул колокол, то ли это было эхо давно отзвучавшего колокола.

Девочки напряженно смотрели на деревья. Высокие редкие сосны тянули вверх гордые кроны. Где-то там, на кончиках иголок, уже рождалось утро, но здесь еще плыл туман.

- Ухох!

Вздых ударил по ушам, заставив зажмуриться. А потом вдруг туман исчез. Карельская ночь, больше похожая на постоянные сумерки, обступила их со всех сторон. Ухнул филин, треснула ветка. Вдруг стало хорошо слышно, как плещется вода.

- Костик! - вскочила Анка.

Она совсем не умела бегать. То, что сейчас совершалось, было больше похоже на разгон спортсмена по прыжкам в длину - она не бежала, а прыгала, далеко

забрасывая ноги.

Светик почувствовала, что страх и метания по берегу отняли у нее все силы. Она выдохнула и с трудом поднялась. По спине пробежали мурашки, заставив оглянуться.

Никто от деревьев не шел, никто не тянул руку, никто не шептал страшное: «Ухох, уж, уж, уж». Никто не бил в призрачный колокол: «Бом!» И она поскорее-поскорее, не замечая, что колени слегка подрагивают и подгибаются, заспешила к берегу.

Там плескались.

– Выходи! – звала Анка. Она зашла по щиколотки в озеро и теперь стояла, зябко поджимая то одну, то другую ногу. Ладога неприветлива, а рано утром – так особенно.

– Нет! – капризно выдавал Костян и со всей дури лупил по воде. – Там страшно!

Маленький тощий Костян – Костян, который до обмороков боялся воды, который терпеть не мог холода, – так вот этот самый Костян сидел по пояс в озере и намеревался, судя по всему, уйти на глубину.

– Все закончилось, выходи, – Аня переступила – ей было холодно. Родственная кровь, она тоже не любила холодную воду.

– Нет! Нет! Нет! Я домой хочу! Отвезите меня домой!

Маленькая сморщенная физиономия Костяна была перепачкана песком и соплями.

– Да ладно, ерунда какая! – пожал плечами Глеб. – Чего ты испугался-то?

– Я испугался? – Костян вскочил, возмущенно топнул ногой, подняв фонтан брызг. Нога его не встретила дна, он потерял равновесие и лицом рухнул в воду.

Глеб фыркнул.

– Ну Костя! – всплеснула руками Анка.

«Хоть умылся», – недовольно подумала Светик.

Костика она не любила. За то, что хлюпик, нытик и вообще на парня похож слабо. Зато как обедать или что интересное посмотреть – так он впереди, еще и вопит, что самый младший. Ага, топила она таких младших в глубоких колодцах.

Вода была холодная. Коварная Ладога вновь показывала свой характер. Вечером купались – тепло, а теперь – вот вам, пожалуйста, охолонитесь. Но Светик упрямо шла вперед. Обогнула топчущуюся на месте и боящуюся замочить пижамные штаны Анку, добралась до Костяна.

А далеко он ушел, Светику по то самое место... Короче, глубоковато.

Костян уползал, вкапываться в песок, но Светик взяла его за шкурку и потащила к берегу. Он извивался. Он даже брыкался. Каждый раз получая удар по ноге, Светик мысленно отсчитывала: «Без печенья... Без хлеба... Каша без крупы... Вообще без кипятка кашу будет есть, всухую!»

Потом ей надоело его тащить, и она бросила дергающегося Костика к ногам родственницы.

– Забирай! – буркнула она.

По итогу – треники и футболка мокрые. Отличное начало дня.

– Ну, Костя, – тут же заюлила рядом с двоюродным братом Анка, помогая ему выбраться на сухой песок. – Ну что ты?

– Ты его еще поцелуй, – буркнула Светик, выходя на песок. Хотелось плюнуть, но во рту было сухо.

– Это ты виновата! Ты! – визжал Костик.

Светик пожала плечами и повернулась к Глебу:

- Что произошло-то?

Глеб смотрел в сторону. Широкая песчаная полоса берега тянулась вдаль и заканчивалась выдающейся в озеро косой. Где-то там стоял маленький домик. Эту часть острова они уже изучили.

За два дня они успели хорошо здесь все излазить. Остров, конечно, был большой, сильно вытянутый, но если тебе тринадцать, делать нечего, а вокруг стоят белые северные ночи, то чем еще себя занять?

- Ты! Ты! - тыкал пальцем в сестру Костик. - Это ты крест уронила! Нас теперь убьют.

- Да ничего не произошло, - пожал плечами Глеб. - Пока не уснули, этот балбес все трясся, что с ним теперь что-нибудь произойдет. Что черти придут или еще что. Потом уснули. Уже под утро вокруг палатки стали ходить. Я подумал - медведь. А он взял и приложил к тенту пятерню.

- Медведь?

- Выходит, не медведь. - Глеб раскрыл ладонь с длинными узловатыми, чуть подрагивающими пальцами. - Человеческая была ладонь.

Светик почувствовала, что ей опять становится нехорошо, мурашки шустро пробежались по позвоночнику, обхватили шею, сбивая дыхание, забрались в волосы. Светик эти самые волосы пригладила, чтобы они не принялись топорщиться от страха.

- Костян и побежал. - Глаза Глеба являли готовность закрыться. - Колышки все повыдергивал, лось, - вздохнул он и вытянулся на песке.

- А туман видел? - прошептала Светик.

- Было что-то, - зевнул он. - А что? Белая женщина?

Светик кивнула. Глеб, кажется, этого не заметил, потому что закрыл глаза. Это только ее брат может вот так взять и уснуть. На ровном месте. А вернее, на влажном песке.

– Если бы не ты, мы бы сюда вообще не поехали! – визжал Костик. – Я домой хочу.

Анка беспомощно оглянулась. Светик закатила глаза. На что еще нужны лучшие подруги? Чтобы выручать в беде. Анка сейчас как раз в ней и была – в беде. Причем последние одиннадцать лет.

Костик был двоюродным братом Ани, но сколько Светик ее знала, брат всегда был рядом. И то, что Анка совершенно безбашенная, что ее вечно куда-то носит, мать Костика не волновало. Отца, судя по всему, тоже, потому что отца там не было.

– Давай его утопим, – предложила Светик, подходя к обнявшимся родственникам.

– Я сам тебя утоплю! – замахнулся Костик.

– Чтобы утопить меня, тебе придется остаться тут на пару дней. Может, плавать научишься.

– У! – снова замахнулся Костик, но слишком сильно – задел себя по уху и захлюпал носом.

Светик фыркнула.

– Ну, ну, – проявляла чудеса миролюбия Анка. Она нежно прижимала к себе мокрого, изгвазданного в песке брата. – Никто никого топить не будет. Это наш любимый мальчик, мы его не обидим.

Спорное утверждение.

– Ты чего побежал? – спросила Светик.

- Это вы во всем виноваты!

Светик кивнула. Тут легче согласиться, а то продолжения долго ждать пришлось бы.

- Я говорил, не надо ходить на кладбище!

Еще раз кивнула. Этот зануда вчера весь день что-то говорил. Все и не вспомнишь.

- Вас же предупреждали, что нельзя трогать кресты!

- Он сам упал, - буркнула Светик.

- Не сам! Не сам! Не сам! - ударился в истерику Костик.

Анка подняла глаза. Светик в ответ развела руками. А что теперь делать? Никто не ожидал, что крест упадет, стоит к нему прикоснуться! И оградка сама упала, Глеб через нее только перешагнул - надо видеть Глеба с его длинными ногами, чтобы понять, что перешагнуть он может что угодно. А с надгробием вообще чудо произошло. Анка забралась на сосну, посидела там, поделала фоточки, а потом спрыгнула. А оно наклонилось, вместе с крестом и плитой. Костян, понятное дело, начал орать и чесанул так, что через секунду его крик уже был не слышен.

Целых пять минут от него отдыхали.

- Хорошо! - решила Светик, вставая. - Виноваты все, кроме тебя. Пошли на кладбище, поправим то, что упало.

Костян завис. Переваривал информацию. Это только кричать он начинал не задумываясь, все остальное до него доходило, как до жирафа.

- Вот сама и иди, - буркнул Костик и ткнулся в плечо сестры. Анка принялась старательно протирать дыру в Костином плече, глядя на подругу вопросительно.

– А я не знаю, что это! – фыркнула Светик. – Мне кажется, что в первый день тоже что-то такое было. Или не было ничего. Вообще. Это же остров!

«Это же остров!» – такими словами Анечка начинала уговаривать своих гостей отправиться на Мортинсаари.

– Это же остров! Это – круто! – кричала она несколько дней назад. – Только представьте! Целый необитаемый остров! И пять медведей!

Хорошо, что про пять медведей она рассказала до того, как им навязали Костика. Он бы сразу все испортил. А так они успели собраться – рюкзаки, палатки, пенки, спальники, большой котелок для воды и еда. За едой в магазин послали Глеба, поэтому в лагере на завтрак, обед и ужин вот уже два дня они запаривали китайскую лапшу. Еще было несколько пакетиков каши, но это прихватила Светик, которая следила за своим питанием.

– А что, лапша не еда, что ли? – резонно спросил равнодушный ко всему Глеб, когда Светик стала трясти его за грудки, выясняя, зачем он эту «дрянь» купил.

О! Еще было пять пакетов с сушками. Еды от пуза!

Наверное, из-за того, что их компания не производила впечатление сытости и упитанности, медведи не появлялись. Утром обнаружили на песке следы кабанов. Но кабаны – не медведи. Неинтересно.

Встали они лагерем на опушке леса. Отсюда открывался отличный вид – широкая линия песчаного берега, обалденные песчаные дюны и Ладога. Солнце садилось четко в центр озера. Если зажмуриться и прислушаться к постоянному шелесту волны, то можно решить, что находишься на море. Красота.

Во всем была красота! В том, что мать отпустила ее со сводным братом к подруге в Карелию – познакомились они с Анкой в прошлом году в лагере, вдвоем им было весело. Втроем бы им тоже было весело – Глеб был настолько равнодушен ко всему, что его можно было и не замечать. Зато он обещал носить дрова и разводить костры. А Костя ничего не обещал. Он только создавал. Проблемы.

Лежащий на песке Глеб зевнул.

– Сколько времени-то? – потянулся он. – Шесть было? Уже не уснем. Пойдем поедим.

Сводный брат в жизни Светика появился два года назад, когда мать вышла замуж за отца Глеба. И поначалу, как все нормальные люди, она брата ненавидела. Как и отчима. Но очень тяжело было долго ненавидеть того, кто так равнодушен ко всему, кроме химии, летательных аппаратов и пороховых составов.

Тяжело ненавидеть того, кто делает твою жизнь легче. Потому что старший брат, пусть и на три года старше, это тебе не приятель в классе, это намного бонусней.

Особенно на острове. Что первым делом пошел делать Глеб? Пошел собирать сучья. А сейчас он доломает сосну, найденную вчера, наберет воды, и через полчаса у них будет завтрак.

Хоть что-то хорошее за сегодняшнее утро.

Обиженный на весь свет Костян ушел в палатку переодеваться. Анка упала рядом с Светиком на песок.

– Уф, – выдохнула она. – Еще бы поспать.

Анка была жесточайшей совой. Могла лечь и в три, и в пять, главное, чтобы по утрам не будили.

Светик смотрела на Ладогу. Поднимающееся солнце дробилось на легкой волне, выкрашивало воду в свинцово-зеленый цвет.

– Что делать будем? – спросила Светик.

Вопрос можно было не задавать. И так было понятно, что надо определяться.

– Ты веришь во все эти сказки?

– Про кладбище? – лениво потянулась Анка. Вид такой: вот-вот уснет. Но она вдруг села и посмотрела на подругу совершенно проснувшимися глазами. – Верю.

– И что теперь? Бежать отсюда?

Светик опять посмотрела на невероятно красивый берег, на дробящую солнечный свет Ладогу. Страшно было? Было. Но уезжать не хотелось. Тут еще где-то маяк есть, надо сходить посмотреть. А потом – что она скажет маме? Что они испугались ночных призраков и уехали? Да после такого ее никуда больше не отпустят. Даже и с Глебом.

– Ладно... – буркнула Анка, опять впадая в сонное состояние. – Исправим.

И Светик почему-то поверила ей. Поверила, что можно развернуть время вспять, сделать так, как будто этих двух дней не было.

Хотя, конечно же, все это было.

О большом острове на Ладоге Анка прожужжала все уши. Когда-то здесь был огромный колхоз, который развалился еще в семидесятые годы. Когда-то на нем жило много народа, они разводили коров, ловили рыбу. Когда-то... Сейчас на острове остался один человек. Дядя Лёка. Именно он встретил друзей на седьмом кордоне.

Машина, которая везла их на кордон, только остановилась, а к ним уже бежал невысокий дедок в темно-сером пиджаке. Добро улыбался. Цепкий взгляд внимательно ощупывал четверку туристов.

Это и был дядя Лёка.

– Озоровать не будете? – шутливо спросил он.

Обещали не озоровать.

Небольшая весельная лодка бодро переваливалась с борта на борт, каждый раз ухитряясь не черпануть воды. Наваленные горкой рюкзаки. Гордо восседающий сверху бледный Костик: носик недовольно сморщен – он бы предпочел идти на моторке, а не плюхаться полчаса на веслах. Глеб по-мужски предложил свою помощь в доставке груза и туристов, но дядя Лёка греб сам. Разнокалиберные весла – одно дюралевое, другое деревянное – весело взрывали воду.

Идти было близко. Трудолюбивые финны, которые жили на острове до всех войн и революций, сделали длинную каменную дамбу, которая прерывалась в пятидесяти метрах от большой земли. Дамбу до конца не довели, чтобы круговорот воды не останавливать, чтобы рыба могла спокойно проплывать.

К мысу дамбы лодочка и причалила.

И такая отсюда красота открылась, что настроение сразу же стало хорошим. Шагать по узкой дамбе было весело. Болотистый берег шумел бесконечными зарослями осоки. Вспархивали потревоженные утки.

Потом дамба кончилась и сразу начался лес. Настоящий карельский непролазный бурелом. В лесу тут же нашлись созревшая земляника, черника и много-много грибов. Так что Глеб в конце концов бросил рюкзак и улегся на землю, вытянув свои длинные ноги через всю дорогу.

Все это время, пока они восхищались красотами, пока Костя ворчал, что его покусали комары, пока они собирали чернику и землянику – это Анка, и лисички – это Светик, дядя Лёка не переставая говорил.

Рассказал о себе. Как в далеком пятьдесят втором вместе с отцом и матерью четырнадцатилетним пацаном приехал на остров из Белоруссии, как работал в колхозе, как тут было весело, сколько людей и сколько домов в округе было, как много работали, как вечерами танцевали без усталости.

Вот тогда-то и промелькнуло упоминание о кладбище.

– А бывало, наработаешься, наломаешься за целый день, домой придешь, горбушку схватишь – и гулять.

Дядя Лёка говорил азартно, глаза его блестели. Глеб делал вид, что слушает, хотя натянута на нос кепка рождала сомнение в его внимании.

– Потом, конечно, девушку провожаешь, – важно сообщал дядя Лёка. – А домой идешь, спишь на ходу. Просыпаешься оттого, что падаешь в канаву. И что я тогда делал?

– Что? – Брошенная на амбразуру разговорчивого собеседника Светик была вынуждена поддерживать разговор. Да и грибы в отличие от черники росли прямо у дороги, поэтому дядя Лёка всегда оказывался рядом.

– Я шел на кладбище!

– И спали там! – радостно выскочила из кустов Анка.

– Ну почти, – хитро прищурился дядя Лёка. – Я спал на дереве. Там как раз такая сосна стоит, перекрученная. Мы ее еще свиловатой называли. От слова «вилы?к» или «сви?тая». На нижнюю ветку залезал, ствол руками обнимал и спал. Часа два кемарил, а потом в коровник шел работать. Он сразу за кладбищем был. А коров у нас тогда было! Две тысячи голов!

– Спал на кладбище! Сильно, – прошептала Анка, открывая перед подружкой ладонь с собранными ягодами и предлагая угощаться. – Надо и нам попробовать.

– Но я-то ничего, просто так через кладбище проходил и дальше шел, – продолжал свой рассказ дядя Лёка. – А парни у нас однажды звездочки с надгробий поотрывали.

– Зачем? – Светик представила себе эту потрясающую картину – ночь, кладбище, парни, старательно отламывающие что-то от надгробий, – и съеденная ягода застряла в горле.

– А кто их знает. Шли с танцев, вот и решили покуролесить. Померли вскоре.

– Как? – Светик откашлялась, прогоняя неприятную першинку.

– Один утонул. Второй отравился чем-то. И месяца не прошло. – Молодецкий задор из глаз дяди Лёки даже при таком рассказе не ушел. – Ну чего, пойдём дальше? – бодро предложил он.

– Надо будет это кладбище проведать, – прошептала Анка. – Костя! – крикнула она в чашу.

Костик вышел с другой стороны, лицо имел зеленое, вид, как всегда, несчастный.

– У меня живот болит, – сообщил он и скривился.

Светик злорадно ухмыльнулась.

С животом разобрались, Глеб был разбужен, нагружен самым большим рюкзаком, тронулись в путь.

– Да, – жизнерадостно продолжал вещать дядя Лёка. – А вот как раз в этом месте обычно Белую Женщину видят. – Он притопнул ногой, обозначая ориентиры. – Мост, видите? Это еще финны сделали. Здесь болото, от него часто туман идет. А из тумана – она.

– Зачем? – Светик старалась разглядеть мост. Были видны боковые камни, болото угадывалось, мост – нет.

– А кто ее знает? Здесь много разного происходило. Вот, например, церковь у нас стояла. Давно еще, при финнах. Сгорела. Я ее уже не застал. Но по ночам иногда слышно, как бьет колокол.

– Какой колокол? – забежала вперед Анка. Лицо ее было полно азарта – вот кто точно не жалел, что приехал на остров.

– Церковный. Церковь-то не на простом месте поставили, а на Священной горке. Это недавно археологи установили. Приезжали два парня, искали следы святых Сергия и Германа, что потом на Валаам ушли. Археологи-то и раскопали, что раньше на месте, где церковь стояла, древние люди свои обряды проводили. Там и камни нашли в круг, и какие-то горшки. И даже кости.

Последние слова дядя Лёка сказал догнавшему их Костику. Тот резко остановился, облизал губы и плаксиво произнес:

– Я домой хочу.

– А нам – сюда! – показал дядя Лёка на тропинку, бежавшую в сторону.

Основная дорога шла вперед, а они свернули налево и стали забираться на взгорок.

– Все здесь раньше финнам принадлежало. Дома, мельница, школы. Потом финны уехали – после войны эти земли нам достались. А как, значит, перестройка у нас случилась, принялись финны опять сюда приезжать, стариков привозить, тех, что тут раньше жил. И вот эти самые старики начали показывать, где, уезжая, их родственники клады закопали. Думали-то, что уезжают ненадолго, что скоро вернуться, поэтому что-то не взяли, спрятали около домов.

– И много нашли? – впервые проявил заинтересованность Глеб.

– Машинами увозили! – махнул рукой дядя Лёка. – А одно место я и сам знал. Мне гадюка показала.

– Это как? – Глеб сдвинул кепку на затылок.

– Лет десять назад я коров пас, а обедать всегда садился на одно и то же место: крылечко разрушенного дома. И как ни приду, все на камнях змея лежит. То одна, то другая, но лежит непременно. А я и забыл, что змеи золото чуют, оно их притягивает. Вспомнил бы, сам нашел! Но понял-то я поздно. Как-то в выходные приезжает пара, он и она, пожилые уже такие. Ходили они, ходили, все что-то высматривали. А утром я иду, вижу, камень у того крыльца сдвинут. Сунул руку – пусто. Достали клад. И змеи пропали, больше не приползали. Так-то.

– Сильно! – вынес свое решение Глеб, натянул кепку на лоб и прибавил ходу.

– Так у вас тут кладов много? – промурлыкала Анка, давно мечтающая найти сундук золота.

– И я даже знаю, где один лежит. Но! – Дядя Лёка многозначительно поднял палец. – Никому не скажу! Нельзя!

– Почему?

Анка на такое утверждение обиделась, а Светику было не до обид. Потому что она только что заметила, какие у дяди Лёки волосы. Темные! В его-то возрасте! Не крашенные, а самые что ни на есть свои. Как всполохи мелькали редкие седые волоски, когда дядя Лёка закидывал пятерней длинную челку назад.

– Мне этот клад во сне показали, – принялся объяснять хозяин острова. – Приснилось, что какая-то женщина идет от порога моего дома через двор и все дальше, дальше. А потом остановилась и на куст показывает. В первый раз я не особо понял, что она мне хотела сказать. А на вторую ночь опять она. Опять от порога, через двор и к кусту. Кивает, мол, запоминай. Я запомнил, но сам ничего не делаю. Она и на третью ночь является и говорит: «Последний раз показываю. Твой клад здесь. Больше не появлюсь». И правда больше не появилась.

– А клад? – вылез вперед Костик.

– Так и лежит, – хитро улыбнулся дядя Лёка.

– Покажете?

– Вот уж размечтался! – рассмеялся дядя Лёка, щелкая Костяна по носу. – Колдовские клады так просто не достаются. За ними всегда черти охотятся. Только коснешься клада, тебя сразу за горло схватят и в преисподнюю утащат.

Костян насупился, почесал нос, коснулся козырька кепки и замер, сложив руки на груди. Проходящая Анка потрепала его по плечу, но он только обиженно дернулся, демонстративно пропуская всех вперед. Никто не стал задерживаться, уговаривать его идти дальше. Светик услышала, как далеко за спиной возмущенно топнули ногой. Через минуту мимо пробежал Костян. Без кепки. Сейчас начнет канючить, что кепку потерял.

– А кладбище далеко? – спросила Анка.

– Мы туда не пойдём, – с нажимом произнес Костян. – И я кепку потерял.

– Да тут рядом, – легко отозвался хозяин. – Как по дороге до края леса дойдёте, так с правой стороны оно и будет.

Все вышло как сказал дядя Лёка. На следующее утро они вернулись на лесную дорогу, прошли по ней дальше, на кромке повернули направо. Хорошо натоптанная стёжка не дала им ошибиться.

Светик не очень любила посещать такие места, но, идя по этому красивейшему лесу, где так чирикают птички, где столько всего, она постаралась об этом не вспоминать.

На кладбище их ждало большое удивление. По переднему краю кладбище было обнесено ажурным крашенным в коричневый цвет деревянным забором. У ворот значилась табличка, что они стоят на пороге погоста общины Мортинсаари.

Дальше удивляться оставалось только обитателям самого кладбища.

Но это все было вчера.

Глава вторая

Чужим не входить

После ночных призраков, беготни, Костиного купания настроение было не очень походное. И правда хотелось домой. Светик даже маме позвонила. Мама традиционно спросила, все ли у нее хорошо, как там Глеб. Конечно, у них все было хорошо – не станет же она расстраивать маму из-за пустяков. Подумаешь, ночью плохо спали. А то еще мама потребует немедленного возвращения.

Чтобы прогнать тягучее неприятное состояние, после завтрака сговорились еще раз сходить на кладбище. Анька вооружилась фотоаппаратом, чтобы все фиксировать.

Прелесть места была в том, что на острове никого не было. Совсем никого. Поэтому лагерь можно было оставлять без присмотра. Если кто и придет – только медведь. А от него никакой сторож не защитит. Захочет косолапый себе что-нибудь взять – возьмет.

Настроение было не очень хорошее, а тут еще Глеб завел странный разговор:

– А знаете, чем все закончилось на перевале Дятлова?

– Каким перевале? – выбежал вперед Костик.

Светик мрачно хмыкнула – сейчас ему все объяснят. Так объяснят, что живот заболит.

– Много лет назад в феврале на Северном Урале погибли туристы. Студенты. Десять человек. Профессиональные походники. Их вел Дятлов, профессиональный альпинист, между прочим. Когда через месяц группу нашли, все оказались без одежды далеко от палаток. Врачи установили, что в основном они просто замерзли, у парочки были сломанные кости. Но больше всех медиков удивило, что кожа у мертвецов была коричневого цвета.

– О! А я слышала об этом! – обрадовалась Анечка. – Еще американцы фильм сняли.

Костян сбил шаг, засопел.

– Дурацкий фильм, – равнодушно заметил Глеб. – Они там всё на инопланетян свалили, как будто мутантов из тех туристов сделали. А на самом деле все было не так. Эти студенты оказались совсем дурными. Перед последней стоянкой они нашли святилище местных жителей и все там перевернули. Что-то побили, что-то с собой забрали. Местные обиделись и в погоню отправились. Дождались, когда эти дураки разобьют лагерь, обкурили их ядовитым дымом, от которого галлюцинации начинаются. Студенты перепугались и рванули из палаток кто в чем был. Обрато местные их не пустили, вот все и померзли. Кожа коричневой стала тоже от дыма. Одного, самого буйного, местные пристрелили, кого-то просто побили. Ружье, из которого стреляли, через пятьдесят лет всплыло. По нему и установили, что это местные туристов положили.

- Круто, - мечтательно выдохнула Анка.

Светик от удивления споткнулась на ровном месте. Вспомнилась ночь, качание палатки, ползущий туман, непонятные вздыхания. Чего же тут крутого? И так - мурашки по коже, а здесь еще такие рассказы...

- А договориться нельзя было? Чего сразу убивать? - прошептала она.

- Нечего было на капище лезть! - авторитетно заявил Глеб.

- Вот, - важно прошел мимо Костян, он возвращался за кепкой и сейчас нежно нес ее в руках, - теперь вас всех попереубивают тут. Вам кранты, а я домой вернусь.

- Все вместе и пойдем домой на лодке через реку, - ехидно бросила Светик.

Костик сейчас был настолько противен, что его хотелось стукнуть.

- Через какую реку? Здесь озеро! - с торжеством произнес Костик, заранее радуясь, что собеседник ошибся.

Светик ждала этих слов, поэтому повернулась и торжественно произнесла:

- Реку Стикс, балбес. А повезет нас Харон.

Идущий впереди Глеб довольно фыркнул. В такие моменты сводного брата Светик любила особенно крепко.

Костян почувствовал недоброе, насупился.

- Или надеешься, что тебя в живых оставят? - не унималась Светик. - После твоих-то криков!

- Я кресты не ронял, - с дрожью в голосе произнес мелкий. - Ничего со мной не будет. А вы все помрете.

- Это непременно, - согласился Глеб. - Все.

Костян рыкнул от бессилия их переспорить.

- Ну, ну, не обижайте нашего мальчика, - Анка появилась из зарослей с ладонями, полными черники. - Он наш, поэтому он хороший. - Одну горсть она отдала Костику, другую Светику, Глебу она жизнерадостно улыбнулась перемазанными в черничном соке губами. - И чего, вы правда думаете, что нас ночью хотели убить из-за того, что на кладбище пошумели?

- Хотели бы - убили, - философски изрек Глеб. - А так - только пугали.

- Первый день пугают, - задумчиво произнесла Анка, - второй - одного возьмут, потом второго... Сколько мы тут собирались быть?

- Про одного мне нравится, - доедая ягоду, пробормотала Светик и уставилась на Костика. Тот в ответ всхлипнул и ткнулся в плечо сестры.

- Вряд ли у призраков есть чувство юмора и они умеют считать, - пожал плечами Глеб. - На перевале Дятлова все было сразу - залезли на капище, ночью пришли с разборками. Студенты, наверное, умоляли простить их, обещали больше так не делать, все вернуть и отремонтировать. Но духи - это серьезно. Там нет человеческой логики. Нарушил - заплатил жизнью.

- И стащили-то небось какие-нибудь бусы или камешки переставили, - задумчиво произнесла Светик. - Ничего серьезного.

- В мистике нет несерьезного. Там каждый камешек на своем месте, - со значением произнес Глеб.

- Убивали дятловцев не духи, а люди, - напомнила Светик. - И потом кладбище - это же не шаманское место!

Светик чувствовала, что зря завела этот разговор, но остановиться не могла. Но тут ответила освободившаяся от Котиных рыданий Анка.

– Место не шаманское, но свои духи тут тоже бродят, – подлила масло в огонь подруга. – И еще такие... – она покрутила пятерней, – обиженные.

– Но послушайте, – не сдавалась Светик. – Я у Ремарка читала. Там на кладбищах свидания устраивали. А в Томе Сойере так вообще покойников выкапывали. И никто мертвых не боялся, ни за кем потом не приходили. Мы-то что сделали?

– Наверное, что-то сделали, – пожала плечами Анка, отрываясь от настройки своей сложной техники.

За разговорами они дошли до края леса. Оставалось повернуть направо, чтобы оказаться около коричневого забора.

Глеб задержался, но быстро догнал сестру:

– У Ремарка и Твена были католические кладбища. Там проще. А здесь всего намешано. Еще финские духи бродят. Чего там у них в головах – вообще непонятно.

Кладбище тянулось по верху лесистого долгого холма. Справа-слева тропинки клонились в разные стороны кресты. Места как раз хватало на несколько участков, дальше холм скатывался в низинки. Было такое ощущение, что в какой-то момент земля тут поднялась, чтобы вознести души покойных поближе к небу. А потом сил держать такую махину у земли не стало, и она опустила руки. Но теперь уже сами покойники удерживали свою землю неподалеку от неба. Так получился длинный узкий холм с могилами. Как только кладбище заканчивалось, холм спадал, переходил в поле, где и доживал свой век тот самый коровник, где когда-то работал дядя Лёка.

Они стояли около ворот. Все смотрели в разные стороны. Вдруг Глеб хлопнул себя ладонью по лбу:

– Я понял, что произошло.

Светик с надеждой глянула на него.

– Что?

– Мы ворота не закрыли! Вот они отсюда и повылезали!

И правда! Коричневые невысокие ворота были приоткрыты. Деревянная вертушка не держала створку.

Глеб поднял руку, но Светик перехватила его:

– Может, что-то сказать нужно?

– Что сказать? – опешил Глеб.

– Слова. Волшебные. Чтобы злые силы не привязались...

– Сим силабим? А потом накрываться простыней и ближе к вечеру бежать как раз на это кладбище, чтобы покойники не мучились с поисками?

Он отстранил сестру и пересек границу кладбища.

Светик сглотнула. Вот не любила она кладбища. Сама не знала почему. Понятно, что никто кладбища не любит. Но чаще всего люди к месту жительства мертвых равнодушны, а она чувствовала озноб от одного упоминания. И еще сны. Очень неприятные. Что ее закапывают. Живьем. Никто не мог понять, почему ей снились эти кошмары. Они приходили в темные осенние ночи под дробь дождя о подоконник. Что она стоит на старом кладбище. Все кого-то ищет. Потом вдруг находит табличку со своим именем. И годами жизни. А в другой раз ее на этом кладбище закопали. В следующем сне из земли вылезали покойники и гонялись за ней. А она спотыкалась о надгробия, цеплялась за оградки. И это жутко неприятное чувство безысходности. Когда сделать ничего нельзя. Когда понимаешь, что пропала. Холодное липкое чувство, мешающее дышать. Не любила она кладбища, нет. Шла с нехорошим чувством.

Как и вчера, встречала их ель с длинными, низко висящими ветвями. Тяжелые лапы перегораживали вход. Дальше дорожку перечеркивал упавший ствол березы – единственное светлое пятно. Остальное тонуло во мраке.

Первые могилы, самые старые, стояли без оградок. Выкованные из железа ажурные кресты, украшенные крестами и орнаментами. У части были снесены

верхушки. Один крест был сломан у основания и аккуратно прислонен к стволу дерева.

Глеб прошел мимо первых крестов, пнул шишку. Та поскакала по своим делам.

- Ну и какой тут оказался особенно недовольным?

Справа возвышался аскетичный железный крест, только имя и даты. Лежал тут неизвестный Ирва Ахонен. Восемьдесят лет прожил. Про другого, обладателя сломанного креста, точно можно было сказать, что он моряк - у основания креста виднелся якорь. Ива Кюха прожил всего сорок лет.

Глеб поднял уроненную им вчера оградку, с силой воткнул ее в землю.

- Как-то так и было!

Затрещали ветки - Костян полез на упавшую сосну. Она имела потрясающие извилистые ветви и невероятно изогнутый ствол, словно злой великан схватил ее огромными лапищами и легонько сжал, заставляя древесину вспучиться. По этой сосне было интересно изучать карту ветров острова. Они постоянно меняли направление, выгибая ствол то туда, то сюда.

- Ты где? - позвала брата Анка. - Не отходи от меня.

- Это ты от меня не отходи, - проворчал вылезший из веток Костик. - И вообще - я руку поцарапал.

Он показал локоть. Кровь текла. Не соврал.

- Давайте быстрее.

Чем дальше Светик на кладбище находилась, тем ей становилось неуютней. Еще и ночью не выспались. Сейчас у нее то ли от страха голова кружилась, то ли оттого, что спать хотелось. Вот прямо тут на травку лечь, глазки закрыть.

- Эй, ты чего? - Глеб тронул сестру за руку, и только сейчас она почувствовала, как ее ведет в сторону. А там, в стороне, вразнойой старые железные кресты -

плоская палка и три перекладины. Было и несколько деревянных. Просто торчали из земли. Без имени. Без надгробного холма.

Светик помотала головой. Это все сумрачность, это все испуг. И да, не выпалась, вот и кемарит на ходу. Как там дядя Лёка рассказывал? От усталости он засыпал на ходу, а просыпался оттого, что сваливался в канаву?

Упавшая ель придавила деревянный частокол, погребя под собой несколько участков. Сквозь забор и лапы ели торчали кресты. Сразу за ними и стояла та самая сосна. На которой в молодости спал дядя Лёка. И на которую забралась вчера Анка.

Сосна имела странную скрученную против часовой стрелки кору. Тот, кто дерево здесь сажал, немного развернул ее вдоль оси, да так сильно, что сбил кору и она немного закрутилась. В месте, где из ствола выходили ветки, кора собралась морщинистыми складками. Сами ветви смотрели вниз.

Свиловатая.

Да, так говорил дядя Лёка. От слова «вилок» – как серединка у капусты закрученная.

– Мощное дерево, – повторил свои вчерашние слова Глеб.

– Здесь вообще все мощно, – пробормотала Светик, проходя вперед. – Может, быстренько все поправим и пойдём?

Долго оставаться на кладбище не хотелось. Хотелось поскорее оказаться в месте, где над головой не сходятся так плотно деревья, где от земли не идет этот мертвящий запах.

Но быстренько ничего сделать было нельзя, потому что Анка, заклеив Костину рану подорожником, ускакала вперед фотографировать красоты. Костик опять полез в бурелом.

– Не думаю, что все из-за этого, – пробормотал Глеб. – Но давай попробуем.

Поваленных крестов вокруг было много. Они клонились в разные стороны, словно игроки, замершие в игру «Море волнуется раз». Вот сейчас они оживут и покажут «морскую фигуру». Один упавший крест ухитрился утянуть за собой надгробную плиту. Поднявшаяся платформа оголила кирпичную кладку соседнего участка. Под ней была только земля.

Светику захотелось оглянуться. Она была уверена: проживающий тут дух недоволен, что с ним так поступили. Он сейчас стоит за спиной и... и... Пускай просто зло супит брови. Вот как сейчас Костик. Руки сложил на груди, плечи вперед, пузо навывкате, губы трубочкой.

Глеб наклонился, надавил ладонью на смотрящий вверх край плиты. Что-то где-то скрипнуло, но с места не сдвинулось.

– Дураки, – выдал Костик. – Оно, вон, зацепилось.

«Вон, зацепилось...» оказалось оградкой, в которую уперлась плита.

– Я вообще не понимаю, как Аня ее уронила. – Глеб отряхнул руки и подошел к плите с другой стороны, примеряясь надавить ногой.

– А она ее и не роняла, – снова заговорил Костик. – Плита давно так.

И показал на уже хорошо осевшую под поднятым краем плиты землю.

Светик присела, смело заглядывая под плиту. И как они раньше не заметили? Как вчера дело было? Примчалась Анка с криками, что уронила крест, они глянули и побежали. Почему-то стало страшно. По дороге Глеб зацепился ногой и уронил оградку. Тут уже даже он вскрикнул.

А на самом деле никто ничего не ронял? Вернее, оградку роняли, но не надгробие. У могилы поднятая земля уже травой поросла, и мох на оборотной стороне появился, и паутина присутствовала.

С паутиной в этом месте было хорошо. Что ни куст, так два-три паучка его уже облюбовали, наплели сетей, засели в круговые засады. Мух столько не летает, сколько паутины на деревьях! Эта паутина Светика вчера жутко напугала.

Заглядевшись, она попала в огромную клейкую ловушку и от страха решила, что ее обнял покойник.

Сегодня ей уже ничего не казалось, она была уверена. Покойники! Рядом!

- Анка! - рявкнула она так громко, что кладбище притихло.

Подруга появилась из-за покосившихся крестов с фотоаппаратом в руках. Вид имела счастливый.

- Какие кадры! - потрясла она техникой, совершенно не замечая, что три пары глаз смотрят на нее недовольно. - Вот это место!

- Ты вчера роняла этот крест? - как можно строже спросила Светик.

- Какой крест? - очень несерьезно улыбнулась подруга.

- Вот этот! - Светик ткнула в задранную плиту.

- А вы крест уронили? - обрадовалась Анка. - Стойте! Какой кадр!

Даже терпеливый Глеб не выдержал и плюнул. Костик заметно покраснел и как будто бы стал еще меньше.

- Чего же ты говорила, что уронила! - воскликнула Светик.

- А он не падал? - с сомнением посмотрела на опрокинутый крест Анка.

- Я тебя сейчас убью! - выдал Костик.

- Не будем мы никого убивать, - завела привычные примирительные речи Анка и замолчала. Только сейчас она заметила свое вчерашнее дерево, разглядела покосившиеся кресты соседних могил и искренне ахнула.

- А мне показалось, что упало. Я прыгнула, оглянулась, смотрю - лежит.

- Прыгнула, - тихо повторил Глеб, заглядывая за плиту. - Прыгнула...

- Мне бы не понравилось, если бы по мне прыгали, - буркнул Костик и демонстративно отвернулся. Но всем было не до него.

- Значит, не из-за этого? - тихо спросила Светик.

- Может, здесь покойники вообще ни при чем. - Глеб поднялся, отряхивая руки. - Сама говорила, сколько людей по кладбищам ходят - и ничего.

- Я есть хочу! - вдруг выдал Костик. - Зря пугали только своими перевалами.

Анка посмотрела на всех виновато.

- Нет, ну мне правда показалось, что оно упало.

- Все, больше ничего не трогаем. - Глеб вышел на тропинку. - Идем отсюда.

Светик бросила прощальный взгляд. Было немного обидно, что ответ на вопрос «Что произошло ночью?» так и не получен, надежда на то, что вот прямо сейчас все закончится, не оправдалась. Или закончится само по себе, без их старания?

Надгробие шевельнулось? Кто-то попытался выглянуть из-под него?

Светик пригляделась, пытаясь прочитать полустертое имя.

Ану... Мяк... Нет, не Ану... Ину... Мяк... Мякиинен...

Вдруг буквы сделались четкими.

Ханну Ниеминен.

«Ах!» - грянуло в воздухе.

Скрипнула сосна, словно ее еще сильнее закрутило, словно она стала выше и кривее.

- Ну, мы идем? - прогундел Костик.

Показалось! Конечно, показалось!

Захотелось подойти поближе, чтобы еще раз прочитать имя.

Не пошла. Ноги сами не захотели нести. Да и какая разница, как кого звали в стародавние времена. Судя по датам, человек благополучно прожил длинную жизнь в девятнадцатом веке. Все у него было отлично. Ну, кроме надгробия если только.

Кресты стали навязчиво лезть в глаза. Они как будто тянулись к людям, пытались зацепиться, не пустить, оставить у себя.

- Я бы тут еще, конечно, поснимала, - не торопилась уходить Анка.

- Аня, пойдем, - Костик потянул сестру за подол куртки.

Светика тащить было не надо. Она решительно повернулась и зашагала обратно. Зашагала, четко глядя себе под ноги. А то эти имена вдруг стали назойливо бросаться в глаза, просить, чтобы их прочитали.

Нет, не стала читать. Все эти Оксанены, Питкянены, Сеппялы были ей неинтересны. Совсем неинтересны!

Она так торопилась уйти, что опередила неспешно бредущего Глеба. Вынырнула из-под елки и вскрикнула от неожиданности.

За воротами стоял дядя Лёка. Вид имел суровый, даже недовольный - плотно сжатые губы, нахмуренные брови, лоб собран морщинками.

Он все знал - и про упавший крест, и про опрокинутый заборчик, про весь тот шум, что они вчера здесь устроили!

- Чаю не хотите? - вдруг спросил дядя Лёка и улыбнулся.

– Я! Я хочу чаю! – выскочил вперед Костик. Второпях он споткнулся за порожек ворот и полетел руками вперед к ногам дяди Лёки.

– Эх ты! – быстро наклонился к нему дядя Лёка. – Осторожней надо быть. Да и вы, ребятки, лучше сюда так просто не ходите. Местные это не любят. Хорошо, если подножку только поставят.

Все с интересом посмотрели на Костяна, который, оказывается, только что столкнулся с потусторонней силой. Костян по-деловому отряхнул колени и, буркнув: «Никто мне подножку не ставил, я сам упал», – зашагал к дороге. Еще хозяином таким обернулся, махнул рукой:

– Ну что стоите? Нас чай позвали пить!

– Эк, какой! – восхитился дядя Лёка.

В воротах появилась сияющая Анка.

– О! А мне здесь все нравится! Потрясающие места! Вам повезло, что вы здесь живете! Еще бы что-нибудь такое же прикольное увидеть!

Что-то в лице дяди Лёки дрогнуло. Кажется, он был не сильно счастлив в одиночестве, и веселая компания была как раз для него.

Светик проследила, как Глеб закрывает за собой ворота. Прочно закрывает, чтобы случайно не открылись.

– А чего у вас один крест с плитой упал? – осторожно спросила Светик. – Упал, и никто не поправляет.

– А некому поправлять уже. Все родственники умерли. А упал от ветра. Тут такие ураганы бывают. Вы же видели, сколько деревьев повалило.

– Это настоящее карельское кладбище! – возбужденно заговорила Анка. – Здесь не принято ничего убирать. Как упало, так и должно лежать.

– Первый раз такое слышу, – мягко перебил ее дядя Лёка. – У нас обычно все чистенько было. Это сейчас заброшено. А если что наклонилось, так это нехорошо. Вот, помню, в другом месте, хоронил я приятеля, смотрю, у соседней могилы плита приподнялась. А я знал тех, чьи родственники там захоронены. Я им и говорю – поправьте могилу. А им все некогда было. Вот месяца три-четыре проходит, стали в той семье люди умирать. Один, второй. Я им снова говорю – могилу поправьте. Кинулись что-то делать, а поздно. Еще там кто-то умер.

Анка слушала внимательно, кивала. Светик отстала.

– Чего это у него: что ни рассказ, так про покойников или призраков? – тихо спросила она Глеба.

– А чего у него еще тут есть? Один на острове, кто не уехал, тот умер. А он остался.

Светик оглянулась. Деревья как-то сразу загородили кладбище. Если бы не знать, не догадалась бы, что там... за деревьями...

– Как спалось? – бодро спрашивал дядя Лёка.

– Очень хорошо! – также бодро ответила Анка. – У вас здесь замечательно!

– Раз замечательно, так живите!

Дорога тянулась через бесконечное поле, заросшее высокой травой и молодыми деревцами. Дядя Лёка показывал направо, налево, говорил, где какой дом стоял, где школа, где магазин. И это было очень странно, потому что поле не сохранило никаких следов ни дома, ни школы, ни магазина. Трава, деревья.

– А тут у нас широкая дорога шла, – сказал дядя Лёка и махнул направо, где на пригорке начинался густой лес. Ничего не выдавало в нем бывшую широкую дорогу.

Они забрались на холм, прошли мимо густого малинника, повернули за кусты лещины и увидели дом. Деревянная некрашенная изба с высоким крыльцом, гордо смотрящим в небо коньком крыши.

Узкий двор с одной стороны подпирали неожиданный для Карелии дуб, с другой его ограждали кусты смородины. Под дубом пристроилась длинная лавка.

– Как здесь здорово! – Анка с наслаждением втянула воздух и закрыла глаза. – Я бы здесь жила!

– А я пойду пить чай, – сообщил Костик, потянул на себя дверь и сделал шаг через порог.

Старую деревянную тяжелую дверь...

За дверью мелькнули ступеньки, темный предбанник, светлая комната. Больше ничего увидеть не удалось, потому что дверь из Костиной руки вырвалась и, наподдав ему под зад, захлопнулась. Из дома раздался сдавленный крик.

Анка изобразила на лице тревогу.

– Костя, ты там не ушибся?

– Я коленкой ударился, – гнусаво сообщил Костик.

Светик не удержалась и хмыкнула.

– Вы только за дверью разувайтесь, – предупредил дядя Лёка, легко распахнул дверь и оставил ее открытой – сама она не закрывалась.

– Ай! – слышалось из дома.

Что-то грохнуло.

– Что же ты? – отозвался дядя Лёка.

Костик навернулся с лавки. Сел на край, другой край лавки задрался, сбрасывая седока, а заодно и пару чугунов, что на ней стояли.

Костик хлюпал ушибленным носом, пинал ногой прибивший его чугунок.

- Ну не плачь, не плачь, - утешала его Анка, гладя по голове. - Сейчас будем чай пить. Дядя Лёка нас конфетами угостит.

- Шоколадными? - важно уточнил Костик.

- Конечно!

Но шоколадных конфет не оказалось. Вообще никаких конфет не было. Было печенье. И банка сгущенки.

- А это тебя, мил человек, домовой мой не приветил, - сказал дядя Лёка после того, как чайник вскипел и все пять чашек были наполнены густым ароматным чаем. Костик тянул из сахарницы ложку. Почти вытянул. Но тут крышка подпрыгнула, выбивая ложку из пальцев. Сахар разлетелся по столу. Костик недовольно поджал губы. Светик опять фыркнула - не могла удержаться.

- Не буду я ваш чай пить! - буркнул мелкий, складывая руки на груди.

- А на него обижаться не следует, - махнул рукой дядя Лёка. - Что толку? Это его игры. У меня так тоже одна женщина в гости приезжала. И домовой этот то кепку в нее бросит, то поленницу перед ее ногами разворошит, то холодную воду вдруг сделает горячей. Она и приезжать не стала.

- Ой, а чай какой вкусный! - без усталости восторгалась всем Анка.

Сидели они на просторной кухне. Здесь стояла печка, одним боком уходящая в соседнюю комнату. Там у печки была лежанка. На кухне же помещалась широкая плита. Вдоль противоположной стены тянулся буфет с пристроенным длинным низким шкафчиком. В углу рукомойник. Места было столько, хоть на велосипеде ездил. Зато соседняя комната была вся заставлена широкими кроватями с высокими железными спинками. В углу устроилось заваленное вещами трюмо, рядом стол, в другом углу шкаф. Окно смотрело на бодрый огород картошки. Ровные ряды ботвы и аккуратно окученные грядки.

Светик потянула печенье из пакета. Глеб не стал долго отказываться и налил полную ложку сгущенки.

Костян сопел. Демонстративно и возмущенно. Как обычно.

– Ничего, – миролюбиво произнес дядя Лёка. – Мой домовой хороший. Веселый.

– Чего у вас здесь так духов много? – спросила Светик. Она была очень занята своим делом – макала печенье в горячий чай, поддавливая момент, когда печенье водой пропитается, но еще не размокнет настолько, чтобы упасть. Получалось через раз. Глеб придвинул к себе банку сгущенки и ел уже из банки.

– Да разве это много? – отмахнулся дядя Лёка. – Все как везде. Людей мало, вот они никого и не боятся.

– Я их тоже не боюсь, – сообщил Костик, все же снисходя до чаепития. Без сахара, но зато с пятью печеньями сразу.

– А чего их бояться? Я тут как-то даже со змеями дружил, – сообщил дядя Лёка. – Прихожу домой, гляжу, змея ползет. Я ей говорю: «Куда торопишься?» Она за порог. Ладно, думаю. В другой раз нашел ее уже на столе, говорю ей: «Я тебя не трогаю, и ты меня не трогай». Так мы с ней месяца два прожили. Она приползала, уползала. А потом утром просыпаюсь, гляжу – она уже в кровати. Ну, тут уж ничего не оставалось. Я такую жену себе не заказывал. Вынес во двор и лопатой прибил. А потом змеи и вовсе пропали. В этом году, говорят, их всех кабаны сожрали.

– А жена у вас есть? – спросил Глеб, больше обращаясь к опустевшей консервной банке.

– Есть. – Дядя Лёка погрустнел. – Уехала. У меня тут электричества нет, телевизор не посмотришь. А ей сериалы хотелось по вечерам. Вот и уехала к детям на большую землю.

Всю дорогу к лагерю Светик пыталась представить, как же дядя Лёка тут живет зимой. Летом еще ладно, светло, люди на остров приезжают, охотники, финны заглядывают. А зимой? Когда долгие ночи, когда все засыпает снегом, когда волнуется Ладога и невозможно переправиться через пролив? Остается только сидеть в доме, топить печку и слушать вой ветра. А уж что этот ветер напоеет? Что дядя Лёка в его песне услышит?

Небо было пасмурное, купаться не хотелось.

- Спать хочу! - сообщил Костик.

- Иди, - удивилась такому неожиданному желанию Анка.

Светик тоже зевнула:

- Я думаю, что нам надо всем сейчас отдохнуть, а ночью продержаться без сна.

- О! С удовольствием! - откликнулась Анка.

- Я ночью буду спать, - категорично заявил Костик из палатки.

- Если это и правда какие-то духи, то они, конечно, ночью объявятся, - задумчиво изрек Глеб, расхаживая вокруг костровища. Под ноги ему попадались кружки и вилки. Зазвенела одинокая миска. - Потому что спящим легче овладеть. Во время сна дух человека выходит из тела, и злыдни тогда могут в это тело забраться. Забыл, как называли человека, в которого вселялся злой дух.

- Оборотень? - отозвалась Анка.

- Как-то по-другому. - Глеб почесал нос.

- Упырь! - перебирала Анка.

- Не, упырь - это мертвый, а тут живой. Ну, как бы живой человек, но без души. А та, что есть, заставляет его делать гадости.

- Одержимый. Или бесноватый, - сыпала Анка.

- Одержимый... да... Обязательно чем-то одержимый... Идеей. Или местом.

- Это ты к чему? - зевнула Светик. Тянуло в сон. Неумолимо.

- Это я к ночи. Ночью лучше не спать.

Но они уснули. Сначала они спали днем. Все. Глеб уснул, прислонившись спиной к сосне около костровища. Анка долго бродила кругами, а потом вдруг нарвала травы, целую охапку, бросила ее на берегу, легла, закопавшись головой. Растволкать ее на закате было очень тяжело.

– Аня, – тянул Костик. – Ань! Вставай! Я есть хочу! Ань.

– Встаю, – сообщала Анка и закапывалась в траву глубже.

Глеб кипятил воду. Ужин был неизменен – заварные макароны.

Вечер выдался долгим. Вспоминали, кто что любит из еды. Костик затаил песню о том, что сейчас с удовольствием съел бы жареной картошки. А еще бы лепешку с сыром. Только все это надо обязательно прогреть на сковородке. Анка вспомнила, что неплохо делает печенье. Нужны масло, мука, яйца... Глеб вдруг сообщил, что однажды с друзьями делал шашлык. Сами замариновали мясо, сами сделали угли. Пожарили. Было вкусно.

Светик почувствовала, что от всех этих разговоров ей страшно хочется есть. Представлять шашлык и жареную картошку она себе запретила.

На тарелке с каемочкой... Такую хрустящую, горячую... Еще дымок поднимается. И шашлык. Крупные куски на шампуре. И все это щедро залито кетчупом...

Нет, ни о чем этом думать нельзя.

Она силой выкинула картинки из головы. Вместо них там почему-то оказались блины. Румяные. Высокой стопкой. Такие она напекла к Масленице. В школе проводили праздник, и она полночи простояла у плиты. Сколько их там было, не считала. Штук сто. Смели за пять минут. Но зато как вкусно было. Тонкие, ажурные, хрустящие. Со сметанкой. И вареньем. И сгущенкой. Такой же, как у дядя Лёки.

Это было невозможно!

– Ты чего? – удивился Глеб, когда Светик вскочила.

– Блины, – сообщила она. – Много. Масляные. Не могу больше. Пойду в палатке полежу.

Она забралась на спальники, подсунула побольше кофт под пузо и уставилась в темный угол. Главное, не закрывать глаза, тогда ничего такого представляться не будет.

Рот был полон слюны. Хотя бы бутерброд. С колбасой. Сырокопченой. Где жир крупный. Она особенно вкусная. Да хотя бы с вареной. Тоже подойдет. Но лучше с ветчиной. На свежий белый хлеб. Нежнейший. Такой, что берешь, и остаются следы от пальцев – вот какой он мягкий.

Светик настолько ярко представила себе этот бутерброд, что он появился. На хорошем куске хлеба. С ветчиной. Ломтик чуть свисает с боков. Она взяла бутерброд в руки – пальцы провалились в хлеб – мягкий, по-настоящему мягкий. Зубы с наслаждением разорвали колбасу. Как же это было вкусно. Хотелось затолкать весь бутерброд в рот и проглотить, не жуя. А потом сразу второй взять.

И она затолкала, но во рту уже было что-то не то, нежнейший вкус колбасы исчез, на зубах захрустел песок. Плюнула. Опилки какие-то. Затошнило. Светик плевала и плевала, пытаясь очистить рот, в горле застряло. И это было ужасно, потому что сразу стало нечем дышать. Она пыталась вдохнуть, но опилки совсем забили рот. Оставалось хрипеть и царапать пальцами землю, на которой лежала.

«Почему земля?»

От этой мысли проснулась.

Дышать было нечем, потому что лежала она лицом в спальники. Перевернулась. Рядом никого. Секунду полежала, приходя в себя и прислушиваясь.

Мимо палатки прошли. Задели тент. Позвала:

– Глеб?

Не сбавляя шага, идущий удалился.

Не Глеб. Анка? Она бы откликнулась.

Светик полезла наружу, запуталась в спальниках.

Сколько времени-то? Собирались не спать! И Анки рядом нет.

Поискала сланцы.

Да что же у них в палатке все перевернуто!

Дернула «молнию», выбралась на свежий воздух.

Из леса шла тьма, от воды плыли серые сумерки. То ли ночь, то ли раннее утро.

На границе воды и песка держалась узкая полоска тумана, еле заметная кисея.

Справа движение.

– Глеб?

Это был костер. Вернее, то место, где они костер разводили. Сейчас уже все погасло. Остались черные угли. И вот эта чернота вдруг шевельнулась, вытянулась.

Когда она уходила, у костра оставался Глеб. Где-то тут должна была сидеть Анка.

– Глеб!

– Что?

С другой стороны. От елок.

Чернота прилипла к месту. Над чем-то склонилась.

– Глеб! – заорала Светик.

Глеб вскочил – она это увидела краем глаза.

– Ух! – ударило в небо.

«Бом!» – дрогнула земля.

Чернота вдруг разом выпрямилась и исчезла.

– Ты же говорил – не спать! – в отчаянии крикнула Светик. – Аня! Ты где?

– Я тут, – сообщила Анка, и вдалеке мелькнул фонарик.

– Костя где?

Идти не получалось. Ноги дрожали. И она села. Только сейчас поняла, что так и не обулась.

– Спит, наверное.

– В палатке никого, – сообщил Глеб.

– Костя, ты где? – крикнула Анка. – Костя. Костик, отзовись. Где спрятался? Костя! Костя... Эгей! Костя!

Но ей никто не ответил.

Глава третья

Древние духи

Разожгли костер. Молчали. Глеб ворошил ветки, взбивал трескучие искры. Ветер разом стал сильнее, сделав слышным лес. Он заговорил, заволновался, погнал на сидящих черный липкий пепел. Анка несколько раз убежала в темноту, разбрасывала между деревьями свои призывы, возвращалась.

- Надо звонить родителям, - настаивала Светик. Крутила в руках телефон.

- Подожди, - морщился Глеб.

- Найдется он. Куда денется? - сама себя убеждала Анка.

Светик сжимала телефон. Ладонь потела. Что здесь в конце концов происходит?

С воды полз туман, легкий, полупрозрачный. Безобидный.

Глеб смотрел в огонь. Светик села, обхватив колени, стараясь занимать как можно меньше места. Было холодно. Было обидно. Ведь если бы они не уснули!..

- И почему духи только ночью ходят? - прошептала она. Ночь звала жалеть себя и плакать. Казалось, что рассвета уже не будет. Что солнце ушло навсегда.

- Днем слишком много людей, - тихо ответил Глеб. - А вообще - не знаю. Я не понимаю, что происходит.

- Это из-за кладбища?

Кто же это вчера сказал - сначала один пропадет, потом второй...

- Может, кто землю с кладбища притащил? - перебирала Светик. - Есть же примета - земля с могилы к неудаче, что ею можно порчу наводить. Может, Костя пошутил?..

- Костя! - сорвалась с места Анка.

Скрипело дерево. Давно скрипело. Иногда казалось, что кто-то плачет. Или жалуется.

Глеб смотрел в костер. Не отвлекался. Как заведенный все поправлял и поправлял ветки, подбрасывал новые. Поэтому сидящие все время оставались в круге света и искр.

– Нет, кладбище тут ни при чем. – Глеб подтащил еще охапку веток. – Там призраки, куда им дальше своего дома идти? Да и что им может быть нужно, кроме своей территории? Мы от него слишком далеко...

Глухой жестяной звук. «Дон-дон, дон-дон. Тын...» Звук родился и теперь шел постоянно, не затихал.

– Костя? – опять приподнялась Анка.

Явственно хрустело – ломались ветки под чьими-то шагами.

Глеб встал. В руке у него оказалась длинная палка с горящим концом.

– Аня, стой! – приказал он уже готовой побежать на звук Анке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/usacheva_elena/ostrov-prizrakov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)